

НИКОЛАЙ ИВАНОВ

## РЕКИ ПОМНЯТ СВОИ БЕРЕГА

РОМАН

Часть третья

КАМЕРНЫЙ ПОЛКОВНИК

Глава 1

Внутри тюрем конвой ходит без оружия — у зеков не должно возникать не то что малейшей возможности, а даже иллюзии завладеть им. Охране же и резиновой дубинки достаточно, чтобы чувствовать безраздельную власть над человеком с заведёнными за спину руками.

— Сюда.

Егора палкой втокнули в камеру, обложенную белым кафелем. В носу засвербело от запаха хлорки. Опять? Околелов не одинок в системе пыточных издевательств? Узкое толстое оконце, больше похожее на амбразуру, проткнуто штырями. Посреди высокого потолка висит на проводке доживающая свой век без суда и следствия, без малейшего права на амнистию тусклая от горя лампочка в 60 ватт. В углу за столиком, заставляя прутики-ножки расплзаться по полу, высится лысая гора в медицинском халате.

Медбрат равнодушно, словно снимая мерку для гроба, обвёл новичка взглядом, кивнул на сплюснутую, словно такса, лавочку — раздевайся.

— Алексей Новгородец? — неожиданно тонким голоском уточнил для порядка. Хотя что спрашивать — случайные люди сюда не забредают. Но вот с голосом — воистину гора родила мышшь...

— Я, — подтвердил Егор.

— Раздевайся. Догола. Ноги на ширину плеч, руки поднять.

В местах лишения свободы медперсонал — безоговорочно уважаемые люди. Кто им дал погоняло “лепилы”, истории не докопаться, но при этом медицинское сидельцы всё именуют ласково и нежно “больничкой”.

Поэтому не сомневаясь, что даже писклявая его команда выполнена безоговорочно, медбрат взял в углу палку с намотанной, словно для факела, тряпкой. Сунул её в таз с белым раствором. Хлорка ударила в нос сильнее, и Егор насколько мог, задержал дыхание. Из визуального осмотра хозяин кабинета отметил только шрамы на правой руке, зафиксировал их в листке, после этого отработанным движением ткнул мокрую швабру-факел Егору сначала под мышки, затем в пах.

— Свободен, — посчитав обязанности по дезинфекции выполненными, гора-кастрат поставила в списке напротив фамилии нового обитателя СИЗО жирный крест.

Это верно — каждый несёт по жизни свой...

— С собой и вперёд! — охранник с жетоном-бляхой № 27 дубинкой указал Егору на скрученные в углу постельные принадлежности.

Тюрьма — не армия, сюда надо приходиться со своим скарбом. Из казённого — только матрац с подушкой.

— Шевели ластами, — конвоир от нечего делать или от природной нервности принялся отбивать резиновой палкой на спине Егора такт звучащей у него в голове музыки. И явно не русской раздольной: в избылици шла барабанная дробь. Лишь за второй решёткой, разделяющей коридор на зоны, поставилась точка: — Лицом к стене!

Егор упёрся лбом в тёмно-зелёную, пропахшую кислыми щами стену. Сколько же на ней шершавых слоёв краски! А он крыльцо дома так и не успел покрасить.

Заскрежетал ключ. В камерах они не язычки квартирных замочков придавливают — двигают засовы. Задвигают, к сожалению, тоже.

Егор замер на пороге будущего жилища. Тупой резиновый конец дубинки вновь воткнулся в спину и стал вкручиваться, давить под лопатку. Интересно, если отобрать её у конвоира, на сколько этажей вниз тот рухнет в собственных глазах? Или помочь почувствовать? Тогда дави, ещё, ещё немного... А вот и точка Кадочникова — легендарного рукопашника, мизинцем валившего противника в момент, когда теряется равновесие.

Егор резко повернулся. “Бляха № 27”, потеряв опору, едва не влетел в камеру. Но Егор шагнул туда сам, заполняя собой теперь уже свою личную территорию. Почесал недавний шрам над бровью и не без усмешки посмотрел на охранника: попробуешь зайти в гости?

Заходить запрещалось, но дверь, словно в насмешку именуемая “тормозом”, захлопнулась так, что сомнений не оставалось: новой встречи долго ждать не придётся! И уже на другой территории. И такт музыке будет отбиваться не под лопатками, а по почкам.

— С прибытием, — поднялся с дальней угловой шконки невзрачный худой кренделёк, мышкой под веником ожидавший развязки. — Первоход? Милости прошу до нашей до хаты.

Егор огляделся, стараясь оценивать ситуацию понятиями и терминами, изученными перед посадкой. За выцветшей белёсой занавесочкой стыдливо укрылся “дальник” — параша со шлангом из крана в ручной мойке. Пользоваться туалетом во время приёма пищи сокамерниками запрещено. Вдоль стен дремали пустыми три сваренные из труб кровати с вмурованными в стены спинками. Стол, тумбочки, два табурета. Ведро с водой. Высоко над потолком — узкая прорубь для оконца, пытавшегося дотянуться до неба. Однако свет в камеру просачивается большей частью сквозь мутные, неразбиваемые стеклочки из коридора.

Не удосужив вниманием соседа, Егор бросил поклажу на свободную кровать в противоположном углу. Раскатав комковатый от старости матрац, лёг, забросив руки за голову. От тюрьмы и от сумы...

— Что шьют-то? — не отставал сосед, бдительно не покидая своего угла.

— То дело следователя, — не стал вдаваться в объяснения Егор. Демонстративно отвернулся к стене. Сейчас бы и в самом деле поспать, сон лучше лекарств и психологов снимает напряжение...

— А вертухай чего пристебался?

В тюрьме ты ещё, оказывается, не принадлежишь и себе. Поневоле вспомнишь добрым словом пещеру-одиночку в Колумбии.

Кренделёк, сидя на кровати, болтал в кружке сразу четыре пакетика чая — заваривал “купца”. Вздёрнутый носик, потащивший за собой к переносице и верхнюю губу. В таких случаях обычно блестят, как у хомячка, зубы, но свои сиделец съел, видимо, вместе с тюремной баландой. Значит, “чёрт” — тот, кому не приходят посылки с воли. Но тогда с его опытом отсидок можно понять, что Егору не до разговоров. Однако натура у “чёрта” брала верх. Приподнялся, поцеживая “купца”:

— По какой статье чалиться будешь?

— Ты мне что — прокурор в суде, ё-моё? — резко встал Егор. Сосед, наоборот, откинулся к стене от нежданного рыка. Вот и прилипли! В этих стенах не исповедуются, а кто и с чем заходит, нужным людям известно заранее. Ведать не ведал Егор, что пригодятся тюремные рассказы Пятака да мастерски выбиваемый им на сцене клуба танцевальный ключ: “Кошка бросила котят, пусть дерутся, как хотят”. Казалось, это было единственным, чему в совершенстве научила того зона, а он — юринических ребят...

Дальнейшее выяснение отношений прервал шум в соседней камере и крики охранников. Кренделёк торопливо отставил кружку, принялся напяливать на себя всю имеющуюся одежду. “Маски-шоу”? Спецназ зашёл на тюрьму потренироваться на людях в разгоне демонстраций? Демократия в России, как и в любой другой стране мира, началась с получения милицией дубинок — “демократизаторов”.

— Выходить!.. Вдоль стены!.. Не смотреть!

Задвигались засовы. Каждый охранник посчитал своим долгом пройтись, как по клавишам, дубинками по решёткам в коридоре. Повернулся ключ и в камере Егора. Металлическая плита тяжело приоткрылась, внутрь втокнули мужчину лет сорока. Тот посчитал нужным сначала врезать по “тормозу” каблуком, и лишь после этого обвёл новых сокамерников грубо обточенным орлиным носом с хищными крыльями-ноздриями. Мочки ушей не имели закруглений и долго переходили в щёки — едва ли не у самой шеи. Глаза смотрели властно, лбу достались всего три-четыре узких, словно из-под тетради по чистописанию, линейки-морщины. Ученик наверняка был троечником, потому что сверху линеек висела чёрная клякса чёлки.

— Что там? — не без облегчения поинтересовался кренделёк. Главное, не будут бить. Оправдывая любопытство, тут же попытался и сам угадать: — Побуянили?

Расселять камеры, в которых пошёл мордобой, — задача для охраны первоочередная. Только вот мельтешить этими знаниями занятие сучье. Новый сосед и Егор одновременно посмотрели на беззубого хомячка: там, где трое, невольно начинают распределяться симпатии. Кренделёк их явно не вызывал, и новичок, усевшись за стол, уставился на Егора. Тот хотя и не стал разваливаться на койке перед старшим по возрасту, но и не поспешил подсаживаться к столу. Лишь кивнули друг другу, здороваясь:

— Жора.

— Алексей, — приподнял руку Егор. — Статья 88 — “бабочка”. Не доказанная.

— Кто по жизни?

— “Челнок”. Купить-продать. Без валюты никак, — приоткрыл завесу над причиной ареста.

— Я — Вася. Вася я, — вклинился остающийся за бортом хомячок. В общей сутолоке важно, чтобы не забыли тебя.

Жора прошёл к свободной койке, стукнул по ней ногой, проверяя на устойчивость. Вообще-то новичку на кровать без разрешения сокамерников садиться нельзя, но для Жоры они, судя по поведению, не авторитеты. Егор молча подал ему свою подушку. Подарок принялся как должное, подушку взбили, устроили под голову. Вася суетился, не зная, как проявить и свою личную учтивость, но Жора отвернулся к стене. Повторяя его, то же сделал и Егор. Как говорят зеки, пока читаешь или спишь — то как бы и не сидишь. Удивился ещё одной страничке в тюремной азбуке, познаваемой на собственной шкуре: подумать о том, что с тобой случилось, оказалось возможным лишь в затхлом каменном мешке.

## Глава 2

Новое, совсем уж причудливое задание свалилось на Буерашина. Пройти сквозь тюремный ад, наработать там свою легенду и просочиться потом в бандитскую среду, войти в доверие к самым высокопоставленным паханам.

Но прежде чем приступить к заданию, отпросился съездить в Беловежскую пушу, сам не зная, зачем, а смысл поездки сам в руки приплыл — машинка! Та самая, на которой печатались проклятые соглашения трёх предателей Родины.

— Извините, ради Бога, я тут у вас на экскурсии...

“И что?” — устало отреагировали подкрашенные ресницы молодой, но уже уставшей от безденежья начальницы.

— А ещё я коллекционер... Хобби такое — собираю старые печатные машинки. Выкупаю, — торопливо уточнил и полез в карман, вытаскивая все имеющиеся “зайчики”.

— И... — поторопила бухгалтер, не без усилия удерживая равновесие на помосте.

— А у вас в библиотеке какая-то списанная “Оптима” стоит.

— И вы её готовы купить?

— Готов. У меня такой серии нет. Механическая есть, а электрической нет, — соврал напрадую, даже не ведая, существует ли в помине механическая “Оптима”. — Тут почти как за новую. — Егор разжал горсть над столом, выпуская “зоопарк” на волю.

Приём вообще-то запрещённый. Нельзя толкать на преступление бухгалтера, рыскающего в поисках денег для выплаты зарплат. Того же выходного пособия для Евгении Андреевны. По малости прожитых лет не усвоившего, что в действиях богатого незнакомца вначале требуется вычислить его личную выгоду. И не верить, категорически не верить в случайность красивых звёзд в небе именно для тебя.

Бухгалтерше вместо созвездий в небе светили нули в раздаточной ведомости, и она, делая спасительный глоток, взяла деньги в руки.

Всё! Машинка в кармане. “Оптима” с двадцатью килограммами живого веса и сбитой кареткой оказалась на плечах. В кармане лежали товарные накладные на вынос и чек об оплате груза — всего-то в пересчёте полсотни “зелёных”. Списанный металлолом не стоил и того, но кто из попадавшихся навстречу работников заповедника мог знать его истинную ценность?

Отвёз трофей в Журинич и тогда только приступил к заданию. В каких только зловонных клоаках не побывал, и с бомжами сдружился, потом с жуликами, втёрся к ним в доверие, занялся фальшивыми долларами, на них и попался.

И вот Егор в Бутырке... Насколько помнил её историю по отцовским журналам, это “жилище на отшибе”, из которого, тем не менее, никто ни разу не сбежал. А ему нельзя из этих стен выходить самому! Ему набирать срок и насыщать биографию зека.

Кренделёк, со дня на день ожидающий приговора суда, торопился передать свои знания новичку:

— Если что, просись на зону строгого режима. Лучше ходить по струнке у вертухаев, чем зависеть от беспредельщиков на общем режиме.

Жора, рисовавший на квадратах от сигаретных пачек карты, не перебивал, негласно соглашаясь с выводами “чёрта”. Тот, воодушевлённый молчаливой поддержкой, продолжал живописать географию своих ходок:

— Пензенская пересылка — туши свет. Собаками травят. Как Тарзан по стенкам и решёткам прыгаешь, чтобы ляжки не оторвали...

Накануне тайственно прошентал, почему новичку нельзя присаживаться на чужую кровать: никто не знает, “чистая” ли у тебя задница, не гомик ли ты? В выражениях за решёткой стеснений нет, но и полная отвязность не поощряется. А по сути, всё вершится от настроения положенца, смотрящего за камерой. Им естественным образом определился Жора. И Вася, скорее всего, волновался не за судьбу новичка, а набивал себе значимость. А заодно проговорами мечтал выгадать для себя зону:

— Нижний Новгород — вакханалия. По канатам из корпуса в корпус лазят. Псков хорошо, о, скобари — они документик дают расписаться, что нет претензий. В Калуге тоже только с уважением: пожалуйте, покажите содержимое сумки, пожалуйста, станьте лицом к стене, получите по почкам, но тоже через “пожалуйста”...

Ему было что вспоминать и дальше, но утром упала вниз “кормушка”, в оконце зыркнул глаз охранника-”чечётчника”. Взгляд отыскал Егора: я ничего не забыл, но на выезд в суд вызывается кренделёк. Вася засуетился со скарбом: из суда только два пути — на свободу или пересылку. Несмотря на опыт, он явно побаивался неизведанного и даже задержался у распахнувшегося “тормоза” попрощаться, а на деле оттягивая секунды от чечётки, которую начнёт отбивать дубинкой на его спине “Бляха № 27”. Камера и решётка в зале суда, как ни странно, для арестанта считаются надёжнейшей защитой, а вот путь между ними — самый бесправный в жизни.

Жора кивнул сокамернику: удачи, но только укороти язык. Однако к вечеру вдруг оказалось, что болтовни-то как раз и не хватает. Тишина давила, оставляла наедине с не совсем радостными думами. Егора не спасали даже книги и журналы, которые заказал в местной библиотеке. По своему ассортименту она больше походила на ленинскую комнату воинской части, но зато убивалось время.

Жора, не отличавшийся разговорчивостью, после изготовления карт выгреб из разломанной пополам буханки мякиш. Выложил его на кусок марли, принялся выдавливать через неё из хлеба слизь. В тюремных стенах не так уж много забав, а после того, как слизь затвердеет, из неё можно лепить поделки. Оставшийся жмых Жора спрессовал в крутляш, вдавил в него несколько таблеток от головной боли, кусочки сахара и забросил под койку.

Через три дня он вытащил тронутый плесенью хлеб, размял и переместил в целлофановый пакет, залив его водой. Ещё через несколько дней по камере поплыл запах браги. Жора разлил коричневатую пенную взвесь себе и Егору и, приподняв свою кружку, разомкнул, наконец, уста:

— За знакомство!

Смаковать драгоценную хмельную влагу не стал. Вдохнул полную грудь воздуха и, медленно выдыхая, стал вливать в глотку брагу. По всем земным законам притяжения воздух выходил поверху, влага стекала понизу — но попробуй повтори! Каждый зек нарабатывает свою фишку...

Смахнув со лба мешавшую прищуриться волосяную кляксу, Жора мягко потребовал:

— А теперь рассказывай.

Где скороговоркой, но оставляя на всякий случай крючки-зацепки для дополнительных вопросов, где с деталями и в эмоциях, Егор поведал судьбу Новгородца. Жора отреагировал лишь на Ису: по-прежнему ли любит всё блестящее — лакированные туфли, пряжка ремня, цепочка? Неужели знакомы? А почему бы и нет! Если на войнах воюют одни и те же офицеры, то у фальши ещё более узок круг подельников.

— За три встречи два перстня точно поменял, — припомнил Егор.

— Пред златом даже Аллах бессилён, — показал своё знание мусульманских обычаев Жора. Тоже изучал в ГРУ страноведение? Воровская школа — это аспирантура ГРУ, ЦРУ, Моссад и Ми-6, вместе взятые? — Ты на “убитых енотах” пальчики оставил при передаче?

— Не-ет. Я “баксы” вообще не видел, потому знать ничего не знаю и ведать не ведаю. Пригласили в машину поговорить, а тут налетели, ё-моё... Сделай это минутой позже, то можно было бы что-то втюхивать, а так... Прямых доказательств никаких.

— Этого и держись, — посоветовал Жора и отпустил кивком головы: дай побыть одному. Ещё наговоримся.

Не пришлось. Однажды следователь — усталый капитан с обвисшими усами, дежурно задал Егору несколько вопросов и подытожил:

— Срок от трёх до тринадцати лет. Скорее всего, получишь по минимуму с учётом недоказанности.

— Так если нет доказательной базы, ё-моё, то зачем тогда... — попробовал Егор то ли оспорить будущий срок, то ли проверить, насколько “следак” в теме его нахождения в Бутырке.

— Готовься в питерские “Кресты”, — никак не проявился капитан. — В срок зачтут и нахождение в СИЗО.

Если есть история Отечества героическая с полем Куликовым и Брестом, духовная — с Оптиной пустыней и Серафимом Саровским, то Бутырка, Владимирский централ, “Кресты” — это Россия криминальная. В кабацких песенках, конечно, романтично-приблатнённая, с тоской по милой маме, но внутри — зловонная, в наколках, с заточками в рукавах. Живущая по понятиям и с верховенством силы.

В её бетонно-кирпичный склеп и предстояло шагнуть Егору на три года. Это если раньше не возьмут “на перо” за какую-либо оплошность. И раз определены “Кресты”, то именно в них сидит человек, имеющий выход на печать фальши. Главное, чтобы не оказались зря мытарства. Ни для дела, ни для Оксаны. А он потерпит. Доля такая: от суворовских погон через шкуру крокодила до шконки в “Крестах”. Но три года — это всего-то три лета. Если сейчас конец сентября 1993-го, то к Новому 1997 году можно будет готовить подарки ребятам от Деда Мороза. Оксанка, поди, уже забудет об операции, Васька отслужит в армии. Хотя нет, его не призовут, на его шее малолетняя сестра и престарелые дед с бабой. А вот найдётся ли колокол, или так и будет висеть на нём подозрение в воровстве? Выйдет — купит новый. Или найдёт мастеров, которые их отливают.

О Вере старался не думать, отводил мысли о ней в самую последнюю очередь: слабел от них. Интересно, ему одному из их “песчаной” группы уготована подобная судьба или все разведзвери развезены по миру и тюрьмам августовским путчем да декабрьским беловежьем? Если по нему прошлось катком это время, то как пережить подобные потрясения в стране простому человеку? Большого ведь плечи не выдержат!

Словно накликал новую беду.

Выстрелов из танков по Белому дому 3 октября 1993 года ни Егор, ни другие сидельцы Бутырки через толстенные стены изолятора не слышали. Какое-то волнение ощутилось среди надзирателей, а когда задержали обед и принесли только вместе с ужином, стало окончательно ясно: на воле что-то случилось.

Новость выдал “Бляха № 27”, сопровождавший баландёра — разносчика пищи из числа оставленных отбывать срок в Бутырке:

— Ну, кто тут за Хасбулатова с Руцким? Есть желающие вместе с ними на хлеб и воду?

Газеты, хотя и доставляемые с задержкой, писали о политических дрягах между Кремлём и Белым Домом, но чтобы конвоир так откровенно выражал симпатию Ельцину, не особо почитаемому служивыми людьми... Хотя конвоир — он больше с бляхой, а не в погонах.

— Что там? — приподнял вскинутыми бровями кляксу Жора.

— Капец депутатикам, — впервые за время знакомства посчитал возможным улыбнуться чечёточник. — Жаль, не к нам отравили, а в “Матросскую тишину”. Ненавижу!

В августе и декабре 1991 года у Егора опустились руки от бездействия руководителей страны, сейчас он поник от обратного: как власть и армия могли стрелять в собственный парламент? В центре Москвы? Из танков!

При вызове к следователю вместо привычного усталого усатого капитана за столом нетерпеливо гарцевал, перемальывая челюстями жвачку, незнакомый молоденький старлей, чьи тонкие ноздри раздувались от важности голенищами армейских сапог.

— С тобой всё ясно, — без “здравствуйте” и приглашения присесть пробежался он взглядом по бумажкам: так, семечки-орешки. Пошёлкаем! А скорее, просто проверял, всюду ли стоит подпись подследственного. — Засиделся, тормозишь очередь. Готовь вещички. И лет на пять в Мордовию. Вопросы?

— А...

— Б... — передразнил старлей и улыбнулся вычищенными жвачкой зубами. — Свободен.

Происходящее могло означать только одно: на воле и впрямь всё кардинально переменялось. Вплоть до того, что “Крокодил” сам мог оказаться

в числе арестованных и ждёт своей участи в “Матросской тишине”. Всего пару-тройку остановок на метро...

“Чего?” — вопросительно встретил в камере Жора, спичкой помогая себе лепить из хлебного мякиша человеческую фигурку. Ответа особо и не потребовал, потому что на шконке кренделька сидел очередной первоход, доспехами прижимавший к груди два пакета. Егор не стал выпячивать свои проблемы, требовалось подумать сначала самому, как выпутываться из ситуации. Но ведь не зря ему определили “Кресты”. Не зря рядом оказался Жора. Или теперь как раз всё зря? И выстроенный с таким усилием домик карточно рушится? Завтра день передачек, может, что-то прояснится через маляву от Оли? Она под видом любовницы уже передавала посылочку с чаем, бельём и сладостями, в безобидных записках сообщая только о погоде и исто-вово “скупаая” по прежним “сладким” временам.

Вышагивая по огороженной крыше здания, за неимением свободной территории, оборудованной для прогулок зеков, Егор сквозь натянутую решётку в хмуром небе поторапливал время. С грустью пытался понять: он влип, как швед под Полтавой или как кур во щи? Может, на нём лично лежит проклятие какой-нибудь Алалылихи? Но при чём здесь тогда страна? Ей за что упало это время на плечи? Почему не было таких мыслей в Колумбии?

Дождавшуюся передачку распотрошил на общий стол, сам впился взглядом в листок:

“Милый мой, милый!

Как ты? Как же я волнуюсь за тебя, за наше будущее. А тут ещё и наш общий любимец — кошелёк из крокодиловой кожи пропал. Как сквозь землю, со всем содержимым. Ищу, конечно, но прихожу к мысли, что это теперь уже для нас невозвратная потеря. А тут ещё и на работе отдел сократили, всех подчистую. Меня с Юркой первых. Рынок. Так что помощи особо теперь ждать неоткуда. Надежда осталась только на самих себя. Но ведь справимся? Не Колумбия же мы какая-нибудь, в своей стране-то и стены должны помочь. Что ещё из новостей? Недавно встретила в Лужниках Егора Брянского, торгует по-прежнему. Передал тебе привет и сказал, что уж он-то точно, в отличие от других, ждёт тебя и как можно быстрее. Деньги свои он так и не вернул, хотя об этом писали все газеты. Извини, но я ему сказала, что у тебя проблем выше крыши и чтобы он не лез со своими, но ты же знаешь его настырность. Ну, и пусть остаётся с ней, а я лично жду тебя. Очень жду. А как целую!

Твоя Оля”.

Егор перевёл дыхание. Жора своей передачки тоже не касался, изучал “маляву” с воли. Несколько раз при чтении посмотрел на Егора, и это давало предположение, что строчки могли касаться его. Пришёл отчёт по воровской проверке?

По тому, что Жора разорвал бумажку на мелкие крупинки и тщательно смысл их из шланга в “дальнике”, сомнений не осталось: проверка завершена. Ночью ждать заточку в бок или, даст Бог, рассвет можно встретить? А Оля сигналит сразу всеми семафорами и флажками: “Крокодил” исчез, отдел разогнан, операцию надо сворачивать и возвращаться к своей фамилии. Но делать это самому, потому что помощи ждать неоткуда, а он умный и должен что-то придумать. Но как повернуться в этом мешке? На свалке подстраховывали, спасли. А тут... Упомянуты Лужники и исчезнувшие деньги. Егор Брянский... То есть отгадку следует искать во времени, когда он был ещё Егором Буерапиным. Цензура в Бутырке похлеще военной, лишнего слова не напишешь, значит, каждое продумывалось и несёт свой смысл...

Сосредоточиться!

Умылся под краном, охлаждая голову. И так, во времена, когда он ещё не стал бомжом на Балашихинской свалке, в “Луже” исчезли какие-то деньги, о которых писали все газеты. Это та печка, от которой советуют плясать. Значит, надо искать подшивки, а в них — публикацию о грабеже в “Луже”. И быстрее, пока не послали этапом в Мордовию. Оттуда не бегают. Хотя на Бутырку тоже умных и хитрых до сего дня не нашлось...

— Чего грустный? — подал голос Жора, выдувая из разноцветных стержней авторучек пасту и размешивая цвета для раскраски слепленной фигурки.

— Да вот не говорил... В последний раз следак сказал, чтобы готовился в “Кресты”. Трёшка, ё-моё, — сообщил Егор о первоначальном варианте отсидки. Зацепка на фальшь где-то там, в Северной Пальмире, а не в мордовских лесах. Кстати, в Питере и любимая женщина “Крокодила”. Может, она знает больше о нём?

Жора не остановился в своей ювелирной работе, но движения стали медленнее. Значит, первой работает мысль, а не руки. Угадал с адресом?

— Приветик передам корешу, — как о чём-то третьестепенном поведал Жора, и Егор мысленно передохнул: проверку выдержал! Но ведь уже и не Питер...

— Было бы неплохо, спасибо. А как там? Что? — вполне искренне с нервным тиком рассечённой бровью подцепился на крючок Егор. Что будет завтра — неизвестно, а клубок надо тащить за ниточку, пока есть возможность и время.

— Мотя встретит и поможет на первых порах, — успокоил Жора.

“Мотя”? Это прекрасная зацепка, такое погоняло не для широкого обихода, вычислить будет несложно...

— Только бы эта драчка за власть не перепутала все карты, ё-моё, — почесал бровь Егор. — Что своей бабе заказать, чтобы приготовила в дорогу?

В театре учили не строить из себя железобетонного служаку: у каждого есть задница, которую могут надрать, если она не прикрыта. У Новгородца её прикрыть некому. У Буерашина, похоже, тоже. Доигрался? Или всё же не стоит падать раньше выстрела?

Завалился на шконку: его мысли в Питере. Хотя завтра прошелестит по камерам адрес Мордовии, и Жора в недоумении поднимет чёлку: кто кого обманул? Тюрьма — самый незащитный перед милицейскими секретными объект. Только лично он, Алексей Новгородец, не виноват, что его так жестоко подставили. Он не забудет и не простит такой подляны. Но Егору Буерашину надо торопиться...

В обед, принимая от баландёра порцию шей с двумя каплями жиринок, гоняющимися друг за другом в алюминиевой тарелке, попросил:

— Передай начальству, чтобы газет дали в “хату”. Можно сразу всю подшивку. Политико-воспитательной работой заняться желаем, ё-моё, в свете происходящих в стране событий, — ввернул фразу из курсантских времён, заставив Жору вывернуть шею: экий ты просвещённый, перепиши слова. И вообще, где их взял? Спасибо, Жора. Ты прав: надо быть осторожнее даже в шутках. Алексей Новгородец — лох...

Хозработник кивнул, ничего не обещая. Жора оторвался от хлебного наркомана, но расценил неожиданную просьбу сокамерника правильно:

— Не нервничай. Все с чего-то начинают.

А вот тут извини, Жора, но нервничать необходимо. Под это можно спить любое дальнейшее поведение...

Скрученную подшивку протолкнули в “кормушку” вслед за баландой через день: процесс перевоспитания контингента наверняка заносился в какую-нибудь графу отчётности и давал свои плюсы в распределении премий и званий надзирателям. Оля оказалась права: даже считавшаяся умной и интеллигентной “Комсомольская правда”, вслед за “Московским комсомольцем” напрочь забывшая обо всём, что пропагандировала молодёжи десятки лет, бросила своих репортёров рыться по помойкам в поисках криминала и скандалов. Ими, как вшами на бомже, кишели все страницы. Заголовки зазывали покопаться в чужом белье, посчитать деньги и любовниц у артистов и министров, посмаковать убийства, извращения, детскую порнографию. В России всё только горело, взрывалось, тонуло, насилывалось, рушилось. Если кто-то вдруг сподобится восстановить историю страны по газетным публикациям, потомкам останется изуродованное, вывернутое наизнанку прошлое без малейшего проявления благородства и отваги.



— Что пишут? — наблюдал от стола Жора, приделывая к шприцу наркомана иглу из проволоочки.

— У нас тут спокойнее и честнее, чем на воле, — поделился впечатлениями Егор, не соврав ни одной буквой.

Третий сокамерник, почти неделю находящийся в трансе от свершившегося с ним, впервые оживился и торопливо закивал: да-да, на воле страшно, непредсказуемо, подлю. Потому он здесь. А он не виноват...

Под конец дня Егор нашёл, кажется, нужный репортаж с привычным для их времени заголовком: “Как порезали на ленты “челнока”. Происшествие расписали подробно, словно журналисты заглядывали в милицейский протокол: в Лужниках, напротив памятника Ленину, неизвестный проник к спящему в палатке “челноку”, порезал на ленты баулы с вещами в поисках выручки. Проснувшегося торговца полоснул, как и мешки, ножом. Милиция ищет злоумышленника.

“Что-то из этого”? — запомнил Егор дату.

Привязка к памятнику — Оля хочет, чтобы он оказался именно там? Но каким образом? Из СИЗО вывозят только в суд, на пересылку перед этапом и на следственный эксперимент. Но для этого надо взять на себя вину. Чью? Потрошителя “челнока”? Признаться следователю, что он порезал бедолагу? Тогда до выяснения всех обстоятельств его оставляют в СИЗО, никакого этапа в Мордовию... Уже теплее. На замену “следака” группа, похоже, не рассчитывает. Неужели в главке перетасовали колоду так, что мужики не могут влиять на ситуацию? Это возможно в случае, если “Кап-раз” как защитник Белого дома сам арестован и находится под следствием. Скорее всего, вкупе с Вадимом Вадимовичем. Негласники же — они агенты глубокого заlegания, проходят по отдельным картотекам, доступ к которым имеется всего у одного-двух человек. Возможно, как раз у “Крокодила” и Вадима Вадимовича.

Пока Черёмухин и Оля начнут что-то доказывать в главке уже как посторонние с улицы, обязательно найдётся стукачок, который захочет монетизировать информацию и первым напечатает новость братве. Сколько этих продажных шкур выявлялось, а они всё не кончаются. Потому и предложили действовать самому? Эх, Николай Семёнович, Николай Семёнович. Что ж не подчистили ситуацию? Хотя кто мог предположить, что в центре Москвы начнут стрелять из танков по своим? Что рухнет Советский Союз?

— Я реально боюсь в “Кресты”, — почти честно поведал перед сном соседу Егор.

Он, конечно же, сознается в якобы содеянном, пойдёт на следственный эксперимент и попытается оторваться, затеряться в “Луже”. В разведке, как и в политике, никогда не говори “никогда”. Да и никто не даёт гарантии, что побег удастся. Вернут, как шелудивого кота, обратно под ясны очи Жоры, а он игру в молчанку не простит. Надо, надо пройти по неизменному острию каната...

— Как посоветуешь — проситься на отсидку здесь, в хозчасти, или взять на себя какое-то дело и, пока будут кантовать, переждать приземление?

Жора, не отвлекаясь от скульптуры, усмехнулся: вору запахло бояться зоны, какой бы она ни была. Но это презрение всё равно лучше, чем идти на “согласку” в новом деле, не предупредив смотрящего по “хате”. Из двух зол...

А показания по грабежу и поножовщине в Лужниках обескуражили следователя. Жвачка сцементировала ему челюсти, старший лейтенант несколько минут буравил подследственного сквозь китайские щёлочки: с чего это вешаешь на себя дополнительный срок? В чём подоплёка, опасность и подвох?

— Бабе моей пригрозили... Намекнули, чтобы не юлил, иначе она ответит. За меня... Да и вы всё равно найдёте. Отпечатки пальцев там... А тут сам... одним махом за всё... — по-детски лепетал Егор. Ему было наплевать, о чём ломает голову “следак”, главное, что по заявлению он обязан открыть новое дело.

Старшему лейтенанту хотелось закрыть старое, потому что усмехнулся недобро:

— Молодец, конечно, но в таком случае ты из случайно оступившего человека становишься рецидивистом. Срок уходит в геометрическую прогрессию.

— Так и говорю, что бабу... из-за меня...

Егор дёрнулся за листочком с покаянием, и этот “испуг” сгладил следователю тревогу от непонятности в поведении фигуранта. Но признался — значит, признался, отступать поздно, документик в папке. Пообещал единственное:

— Будем чаще встречаться.

Не обманул. Расколоть подследственного пусть и на мелочном, но “висяке” за неделю пребывания в должности — чем не успех! До конца, конечно, не просчитывался мотив поведения Новгородца, но мало ли что становится с психикой человека после Бутырки! Может, и впрямь из-за бабы...

— Придётся выехать на следственный эксперимент, — через пару прогулок по крыше сообщил старлей. Время за решёткой и определяется по самому желанному — бане и прогулкам. — Постарайся хорошенько всё вспомнить, чтобы на месте кота за хвост не тянул.

Кричать “ура” пока было рано, сработал лишь первый этап многоходовочки. На месте Черёмухина он бы по старым связям взял под контроль отделение милиции в Лужниках, потому что на оцепление во время эксперимента люди будут выделяться именно оттуда. А значит, будут известны дата и время. Группу возглавят следователь и оперативник, за которым числится “висяк”. На эксперимент обычно запрашиваются два опера, но, как правило, посылают одного: личный состав весь на разъездах по своим делам. Если на круг выйдет человек шесть охраны — это не критическая масса. Стрелять в толпе они вряд ли станут, а народ на стадионе не разгонишь ради оперативного мероприятия, толпа зевак выстроится у ленты ограждения, как перед ареной цирка. Скорее всего, на это и рассчитывают Юрка с Олей.

Сами “Лужники” Егор перед поездкой в Брест исследовал вдоль и поперёк, может и сейчас вычертить схему ходов-выходов. Конечно, наручники будут сковывать его правую руку с рукой оперативника, но он написал в заявлении, что сначала душил “челнока”. Поэтому по всем законам жанра ему обязаны освободить руки, чтобы на мешке или манекене смог показать происходившее. А в сопровождении обязательно будет ещё оператор с камерой... Просчитать все детали, мелочи, на которых горит разведка. Просчитать!

Оставался вопрос и с Жорой. Будь полная уверенность, что он ни по каким причинам не сдаст его намерений, можно и нужно намекнуть ему о желании вырваться на волю. Но рисковать... Рисковать он не имел права. Хватит. За Ельцина он сидеть в тюрьме не станет. Тем более вошёл в неё сам...

Однако перед выходом на эксперимент в нём проснулся-таки и взял верх разведчик, думающий не только о первом шаге, но и о возможном продолжении операции. Вдруг всё провалится, вдруг всё вернётся на круги своя в главке, там восстаноят отдел и потребуются в “Крестах” связь с Мотей... Натура словно пропела пионерскую песенку: “Раньше думай о Родине, а потом — о себе”...

Одеваясь, затылком чувствуя презрительный взгляд “Бляхи №27” в оконце, проговорил только для ушей Жоры:

— Хоть воздухом свободы дыхну, ё-моё. А там — как получится...

Задержал при этом взор на сокамернике: плох тот сиделец, который не мечтает о побеге. “Да-да”, — мысленно подтвердил в тёмные зрачки соседа. При этом ведь ничего не сказал на случай провала, а если кому-то что-то привиделось, то это его проблемы. Но “Да-да, — прогипнотизировал снова Жоре. — Попробую выломиться из “хаты””.

И — о, классика зековского братства: тот оставил художественную раскраску “наркоши”, прошёл к своей шконке. Вытащил из-под подушки чёрную куртку, в которую из-за стылости октябрьских дней облачался на прогулку. Загородив конвоира, вывернул рукав, показав синюю прокладку: можешь при надобности менять цвет одежды...

Егор прикрыл глаза: спасибо, понял.  
“Удачи”.

“Как получится”.

— Удачи, — пожелал Жора, потому что молчать долго для зека слишком подозрительно.

Егор потёр шрам. Неужели ему теперь всё время ныть перед опасностью?

Перестал, когда заплесала по спине дубинка. Интересно, увидятся ли они когда-нибудь на воле с “Бляхой”? А с Околеловым? Или вычистить их, как грязь под ногтями, и забыть? Важнее Журиничи и всё, что там происходит.

Но сначала Лужники...

Дверь в автозак открывалась сбоку, и Егор попал сначала на достаточно объёмную площадку для охранников. Кожаные сиденья, переговорное устройство с водителем с нежным названием “Незабудка” — умеют же шутить разработчики спецсредств. Для Егора предназначался “стакан” — металлический стояк в самом углу кузова с глазком в двери. Отверстия для вентиляции воздуха вверху и внизу стакана. Внутри — узкая откидная металлическая сидуха. Освещение — через решётку в потолке. Не передвижная камера, а бункер на случай ядерной войны.

После его прохода в первом салоне начали устраиваться сопровождающие — охранник под центнер весом, заранее усталый от всего возрастной оперативник, которому все что-то были должны, и молоденький стажёр-оператор, на ходу изучающий новую видеокамеру. Следовательно, как высшая каста, определил себе место в кабине. Оцепление, скорее всего, уже огораживало на рынке место происшествия. Значит, готовность номер один, хотя наручники пока на запястьях. Когда-то он был прикован ими к цепи в пещере. Неужели это было не просто в нынешней жизни, а буквально вчера?

Ехали не так уж и долго, а когда по кузову стали царапать ветки, стало ясно: прибыли. По металлическому фургону лениво барабанил дождь. Это давало свои плюсы: да, посетителей будет меньше, но и охрана тоже будет укрываться от непогоды, а вокруг окажется масса зонтиков, ограничивающих обзор.

— Руки, — потребовал оперативник, открывая “стакан”.

Егор высунул их в проём. С левой руки защёлка наручника переместилась на руку опера. Не будь у конвоиров формы, в толпе с первого взгляда трудно понять, кто в металлической связке — подсудимый, кто — охранник. Но со времён сотворения мира в схеме конвоирования правая рука остаётся свободной у тех, кто имеет право в случае необходимости применить оружие. Детали играют на скрипочке, они ведут мелодию в оркестре. В том числе в вопросах воли-неволи...

На улице и впрямь накрапывал дождик, и подаренная куртка оказалась как нельзя кстати. Автозак стоял вплотную к контейнерам, служившим для торговцев одновременно и складами, и ночлежками. Мимо них, мимо фургонов, с которых торговали обувью, группа сороконожкой протиснулась к палаткам, хаотично заполнившим площадь вокруг стадиона. Однако опер тащил за собой Егора в этом хаосе достаточно уверенно, и в торговых рядах стали проявляться, обозначаясь, свои проспекты, развязки, кольцевые, тупики. На следственную группу, даже при наличии милиционеров, мало кто обращал внимание, зато Егор с облегчением рассмотрел впереди провисшую под дождём красную ленту, которой строители огораживают аварийные места. Но какая же это глупость в оперативном исполнении! Какое облегчение подследственному, которому нет нужды делать вид, что вспоминает место трагедии — подведут сами.

— Там, — утвердил палатку в цветах синего полосатого матраса и Егор.

Зрители уже занимали места у ограждения, и в какой-то момент Егор отметил знакомый жест, поправляющий на переносице спадающие очки. Черёмуха? Юрка? Укрылся зонтом, но держит проход между палатками. Рядом крутится красным колесом, ненавязчиво привлекая внимание, женский зонтик. Оля? Призывает прорываться между ними? Охранника-буйвола за собой не утащишь...

— Я сначала прошёлся взад-вперёд перед палаткой, убедился, что клиент спит, — начал Егор сочинять легенду для ноздрей-голенниц и челюстей.

— Значит, это не было спонтанным решением? Это тщательно продуманный шаг? — “наматывал” старлей новый срок для подследственного, требуя от оператора тщательной записи.

— Он у меня одолжил полторы тысячи баксов, а отдавать не собирался. Вы бы простили такую сумму?

— Отвечайте за себя, — вынужден был проявлять вежливость под камеру старший лейтенант.

— Он хотел соскочить с долга, ё-моё. Сделать из меня лошару. Только резать его, конечно, я не думал.

— Но в итоге?

— Я хотел его слегка попугать. Сначала думал набросить ему на рот шарфик. Знаете, такие на шею повязывают, чтобы воротники не мусолить, — Егор вздёрнул вместе со своей руку верзилы-опера. Пусть привыкает, что сороконожкой ходить неудобно...

— Дальше, — поторопил следователь, стараясь удержать над собой зонтик и одновременно делать пометки в блокнотике.

— А потом вижу — кадык торчит, прямо сам под пальцы просится. И храп на всю “Лужу”...

Егор понятия не имел, есть ли кадык у пострадавшего, но выпячивание деталей должно было создать эффект правдоподобия.

— Покажите на манекене, как это происходило, — следователь, спасая от дождя причёску и блокнот, кивнул оперативнику: начинаем главное. Тот по цепочке передал кивок своим подчинённым, у палатки появился милиционер с манекеном под мышкой. Зрители захихикали в предвкушении забавы, чёрный и красный зонты приподнялись, подтверждая путь к отступлению. Каменный Ленин с наброшенным на плечи каменным пальто отвернул голову в сторону, словно не желая видеть подтасовку...

Обогнув детскую коляску, приспособленную старой армянкой под развоз кофе, подошёл на усиление милиционер из охраны автозака. Сзади перекрыл отступление ещё один охранник. Всё грамотно. Видеооператор выбирал точку съёмки среди мокрых тюков, ёжась от стекающих на спину струй с тента.

Оценив расстановку, следователь выплонул жвачку: всё же маловато народу. Кивнул оперу — запускаем процесс. Железный обруч легко распахнул пасть, выпуская на волю выскользнувшую угрём руку Егора. Команду “Мотор” оператор объявил по-гагарински:

— Поехали.

— Значит, я заходил с этой стороны, — начал смещаться Егор ближе к зонтикам-маячкам. Однако дойти удалось лишь до кофейной тачанки, потому что путь преградила толстая торговка, обвешанная с головы до пояса дамскими сумочками — эдакий ходячий рекламный стенд, человек-бутерброд, которого не сбить с ног и не обогнуть. А время идёт...

— Короче, я стоял здесь, — начал говорить на камеру Егор, а потом гипнотизёром спокойно попросил перевести от себя внимание на палатку: — А он лежал там.

Едва камера вслед за взглядами охранников пошла в указанном направлении, Егор подел армянскую тележку с кипятком, опрокидывая её под ноги бабёнке-бутерброду. Воистину, не требовалось бежать вокруг неё по кругу — сама отпрыгнула от кипятка, придавив пяток соседней, но расчистив Егору путь к спасению. В два прыжка он преодолел расстояние до Черёмухи, тот сунул ему барсетку, а сам, теряя очки, повалился под ноги бросившемуся за беглецом оперативнику. На них, завизжав, хватаясь за окружающих и утягивая их за собой, упала Оля. В спину Егору неслись крики, трель милицейских свистков, и самым трудным оказалось остановить бег, приняв вид одного из тысяч неторопливых посетителей рынка. Вывернув куртку, нашёл волю остановиться у палатки со свитерами. Если кто и обратил на него внимание в первые секунды, то огромное количество народа заретушировало, сделало его однородным к общей массе. “Лужа”

жила по своим законам и по своему ритму, в котором купец и из гроба засунет руку в карман потенциальному покупателю.

— Какой желаете, — вцепилась и в него продавщица, легко променяв укрытие на торг под дождём. — Давайте вот этот, с ромбиками, как раз по вашей комплекции.

— А давайте, — согласился Егор, укрываясь за примерочной шторкой. Заглянул в переданную Черёмухой барсетку: деньги, паспорт и ключи от комнаты в общежитии на брелоке с резиновым флажком СССР. Ну да, “кукушка” теперь в других руках, возвращаться надо на круги своя. В который раз! А свитер и впрямь по фигуре, приятный на ощупь, тёплый.

— Берём.

Прикупил ещё зонтик и кепку-лужковку. Главное, не дёргаться, не выбиваться из общего ритма, хотя по соседнему ряду бегали менты, им наверняка вызвана подмога, уже должно пройти и оповещение по всем постам на станциях метро. Портрет дадут словесный, фото отпечатать не успеют. Не задерживаясь, спокойно выползает из “Лужи”, пока не выставили сплошное оцепление для тотального контроля.

— Ваши документы? — тем не менее, вычислили его по возрасту при входе на станцию “Спортивная”.

Егор улыбнулся милиционеру, переложил в левую руку купленный по пути букет для невесты. Чуть прикрываясь им, вытащил сначала связку ключей, под руку попался и жетон для метро — всё предусмотрел Юрка, потом и паспорт. Страж порядка даже не стал открывать его под дождём, потому что у беглеца не могло быть документов, ключей, жетона в метро, новенького свитера, а уж цветов для свидания — тем более. Подался к следующему мужчине среднего возраста:

— Ваши документы?

Линия оцепления была прорвана, подземная Москва перемешивала в своём чреве такую массу из рас и народов, что стать микроскопической составляющей труда не составило. Соль или сахар в тесте не отыщешь. Бедный старший лейтенант...

Оставалось добраться до общежития и ждать друзей с подробностями. Хотя суть понятна: политики в очередной раз стали искать врагов вокруг себя, вместо того чтобы распознать под личиной доброжелателей врагов внешних. Прилечь бы и проснуться во времени, когда Россия найдёт свою точку опоры.

### Глава 3

Колоколу выпало пожить лишь несколько часов. Вначале его, как безнадежно больного, уложили на спину на краю огорода. Диагноз был поставлен, едва новорождённого извлекли из земляной ямы и ему, очищенному от гари и коросты, дали возможность явить миру свой голос. Приставленный к его телу прибор и показал тревожные цифры, а пробежавшие в зелёном окошке волны затухли столь быстро, что принимавший младенца доктор обречённо вытер руки об иссечённый искрами синий халат:

— Плохо.

Само дитя не чувствовало в себе никакой боли или изъяна, а главное, не понимало, каким голосом следовало ублажать проверяющих. Да и врач, не желая верить в собственный же приговор, ещё несколько раз потрогал выпуклый колокольный лоб, пошлёпал ладошкой по бокам, вслушиваясь в отзвуки.

— Что, опять не то? — прервал обследование детский голос.

Врач оторвался от пациента, посмотрел на племянницу. Аня несла из огорода пучок морковок, на ходу откручивая с их рыжих затылков буйные зелёные вихры.

— Не то, Анечка. Не поёт, — посетовал Егор.

— А на вид хороший.

— Для колокола не вид главное, а звук.

— Я знаю. Но ты не разгоняйся работать, Вера Сергеевна через пять минут обедать зовёт. Оксанка за хлебом побежала.

— Кликнешь в окно.

Аня скрылась в сенцах, а Егор прощально, словно по крупу лошади, хлопнул ладонью по жёсткой колокольной юбке. Ни дрожи в ответ, ни тепла. Значит, и ошибки нет.

Взметнул кувалду, метаясь в край, где вязью шли по кругу слова: “Лит в лето 1994 от Рождества Христова тцанием и радением раба Божьего Егора”. Как лит, так и бит. У-у-ух, подоби, силушка!

Только есть Бог на небе, оберёт Егора от греха бить по собственному имени. Отвёл руку. Глаз охотно подчинился высшей воле, перенацелил удар чуть выше надписи. Неподготовленный замах смазался, заставив обух соскользнуть с колокольного тулова. Рукоятка молота дёрнулась, увлекая за собой хозяина, и, чтобы не порвать ладони и не пасть грудью на заострённый, необработанный металлический круг, мастер разжал пальцы. Отполированный до костяного блеска деревянный хвост юркнул под бок великану в тайной надежде на его защиту и покровительство. В крайнем случае — спрятаться в пыли, чтобы более не биться расплюснутым лбом по железу.

Да только никому не позволено безнаказанно тревожить бархатную пыль, блаженно дремлющую под августовским солнцем. Взметнулась всклокоченно, готовая вцепиться в простофилю. Но тут же сама присела на корточки, увидев за колоколом хозяина. Знала: тот на расправу скор, лейку с водой держит наготове, быстро притушит прыть. Это валдайские мастера усаживали в своих мастерских красивых, умытых родниковой водой девушек со звонкими голосами, и те пели песни, задавая чистоту звука для колокольчиков.

При отливке вечевых колоколов только с глиной и песком возиться не меньше месяца, так что не напоёшься и не намоёшься. Пыль и грязь под ногами — дело привычное и неизбежное.

На грохот от удара высунул белую голову в кухонное окно и Женька. Делово оценил:

— Железяка.

Обедать не звал, и Егор обогнул колокол, выдернул за хвост присмирившую в пыли кувалду.

— Такой трудно порушить, — продолжил Женька. А чтобы дядя Егор не подумал, будто он по малости лет имеет в виду размеры, поспешил пояснить главное, недавно от него же и услышанное: — Благозвучные разбиваются легче.

— Всё правильно, брат. Красивое — оно беззащитнее.

— Вам помочь?

— Лучше женщинам по кухне.

Но и перед вторым ударом вышла заминка. И не потому, что вновь неудачно наметил место или вдруг жаль стало труда, — Егор разбивал колокола с весны и горевал лишь над первыми. На этот раз его остановил зарождающийся над Журиничами ракетный гром.

Егор вскинул голову. Над черныбыльским лесом, со стороны украинского военного аэродрома, натужно уходила ввысь пара истребителей. Граница между Украиной и Россией пролегла и по небу, ограничивая вольницу стальным птицам, и потому самолёты набирали высоту так резко, что ракетный гром не смог удержаться на оточенных телах “МиГов”, соскользнул с них и со всего размаха разбился вдребезги о землю. Это хороший колокол после самого лёгкого удара держит звук до двух минут, а потом ещё некое время хранит в себе внутреннюю дрожь. Самолёты рождаются для другой надобности, им в радость не благоговение друзей, а страх противника. Хотя история с лёгкостью поведает, как многократно для военных нужд свозили на переплавку для пушек в первую очередь именно колокола: война подчиняет своей воле мирную жизнь в одночасье.

— Я тоже лётчиком буду, — отвлёк от политики Женькин голос.

Парень по прошлогодней копне сена и поленице заветренных дров уже взобрался на плоскую крышу сарая.

— Будь, — разрешил Егор, вновь ухватывая кувалду.

Колокол за время передышки перетерпел первую боль, сумел напрячься перед повторным ударом. И то, что от колокола вновь не отбилося даже малого кусочка, а звон оторвался от металла и быстро затих, подтвердило окончательно: отливка плоха.

Поднял взгляд на Женьку, замороженно глядевшего в небо. Пятнадцать лет — это время, когда ради своих желаний можно и нужно лезть на крышу. Иван вообще с первого класса провожал взглядом каждый самолёт — и не просто взлетал на нём, а закладывал виражи над крышей родного дома. Кто виноват, что однажды, не выдержав то ли восторга, то ли перегрузок, дрогнуло у него на форсаже сердце. Как рассказывал сам Иван, тут же вынырнули из-за левого плеча чёртики, не побоявшиеся влезть в кабину ракетноносца, сдавили на груди парашютные ремни, набросили тёмную вуаль на глаза, вогнали сотни иголок в ноги и руки.

Превозмогая боль и едва различая приборы, не имея сил отшвырнуть хвостатых тварей, Иван принялся уговаривать само сердце:

— Ну, что ты, что... Потерпи, ведь разобьёшься вместе со мной. Потерпи, родное.

Уговорил: позволило дотянуть до посадки, чтобы тут же, на бетонке, сдать врачам. Отыгралось сполна, когда потянуло за собой старшего лейтенанта по госпиталиям да комиссиям. И как ни возмущался тот, добилось своего — получило отлучение от неба.

Они долго потом не желали зняться — лётчик и предавшее его на самом взлёте сердце. Добыв нужные бумажки, оно больше ни в какую не желало слушать уговоры, заклинания, угрозы хозяина. Тогда он сам начал упорно подставляться врачам, подключать к своему телу датчики, стремясь доказать: случай в воздухе — недоразумение, нужно лишь подловить и вывести симулянта на чистую воду.

Точку во вражде поставил Чернобыль, куда Иван поехал командиром спешно сформированной бригады строителей. Поехал от отчаяния, растерянности и злости. Маша начала собирать и свои вещи, и сколько ни кричал, уговаривал, стращал её Иван, та лишь ластилась: я с тобой. Я всегда и всюду буду рядом.

Винить что одного, что другого за недалёковидность было грех: о радиации, её смертельности до чернобыльского взрыва мало что знали. А поверить, что она может проникнуть именно в тебя, незримо и поначалу безболезненно выжечь тело изнутри, — такое не укладывалось в голове. Да и военная чёткость, которую увидели в зоне, успокаивала: каждый день — новое постельное бельё первой категории, через каждые двое суток — новые сапоги и х/б, технику после 120 км пробега — в могильник... Хотя, конечно, красная и чёрная икра, подаваемая на обед мисками, десятикратные выплаты за работу на крыше случайностями назвать мог только наивный.

Во время одного из бросков Ивана на крышу четвёртого блока, где требовалось просто один раз зацепить лопатой и сбросить вниз кусок смертоносного, пропитанного радиацией бетона, и выпрыгнули у него вновь из-за плеча никуда не исчезнувшие черти.

И вот тут сердце, желая отомстить хозяину за подозрения, охотно отдало им себя на потеху. Чёртова дюжина взялась за работу столь усердно, их лапы оказались столь жёсткими, что даже оно испугалось: не остаться бы самому навек на радиационной крыше вместе с теряющим сознание хозяином. И нет бы тому подчиниться страху, так продолжал бежать с лопатой, словно с винтовкой, наперевес. Смахнул лишь со рта мешавший дышать респиратор.

Скорее всего, в этот момент и получил смертельную дозу Иван. Хотя за предельные рентгены могли набежать и по общему времени пребывания в зоне, как у Марии, вслед за мужем вновь собравшей свои вещички. Но уже в больницу. “Я всегда и всюду буду рядом”... Только-только получивший офицерские погоны Егор, узнав о болезни брата с женой, вымолил у командира день отпуска.

Сгорал Иван на глазах, чуть получше держалась Маша, но было видно, что и она устала бороться за жизнь. Ещё больше было видеть, как сидели

по разным скамейкам в больничном коридоре родители и бегала между ними Анютка, не понимая причин этого разделения.

А вот в последний путь проводить не смог, улетел в арабские края на первую стажировку. Толку от неё было, если и страна рухнула, и их род выкосило: имён буерашинских на крестах ныне больше, чем у оставшихся на земле.

Потому колокольный звон, который он пытается извлечь, он и по отцу с матерью, и по Ивану с Марией, и, собственно, по стране. Всю зиму искал мастеров колоколотейного ремесла. Верили или не верили в Журиничих в его непричастность к исчезновению сельской реликвии, но он для себя решил: добудет набатник, каких бы усилий это ни стоило. Ведь и отец ушёл не просто на поиск пропажи, а за восстановлением доброго имени своего рода...

Но когда ни на моторостроительном заводе, ни в десятке кооперативов, куда он обращался с просьбой отлить колокол для Журиничей, не решились подступиться к работе, он разозлился: да неужто перевелись на Руси мастера? Неужто соглашаться с Ростроповичем, призывавшим ехать за колоколами в Голландию?

Сел за книги. В библиотеках мало чего оказалось по колокольному литью, всё больше попадались иностранные восхищения про малиновые звоны. А что ахи да охи для мастера? Слова без нот. Голой теории не хватило, пошёл по сохранившимся церквям, благо их на Брянщине, даже с учётом войны и пожаров, всё равно оставалось, как русских шоломов при Куликовской битве. Вспомнил черчение, переносил размеры сохранившихся набатников сначала на бумагу, потом на глиняные слепки, для хранения которых постепенно освободил весь сарай. С Васькой дела двигались бы быстрее, да ушёл в армию племянник, не став прикрываться справками. Чем и порадовал.

— Сбежал от крёстного, — имела собственную версию про службу брата Аня. — Сколько непутёвых армия спасла, — добавила вывод из явно женского магазинного лексикона.

— А что крёстный?

— Отвечает. Нахватал делянок, всё повыврубал, а хмыз оставил гнить, место болотить. И нового ничего не посадил. А так нельзя.

— Так нельзя, — согласился Егор.

— А дружок его, который у нас кур давил на своей молнии, депутатом стал. Вот какая комедия приключилась, пока ты по горам своим лазил.

Про горы Егор сочинил сам, чтобы оправдать долгое исчезновение. Туда ведь почтальоны не ходят...

О Никите более подробно поведал военком. Сергованцев, так и не разобравшись с сельским хозяйством, начал перехватывать у того лесные делянки, не требовавшие каждодневного внимания. А компаньон, словно не помня зла, преподнёс в подарок Борису на свадьбу с журналисткой, некогда сочинявшей о великом фермере статьи, резную деревянную кровать. Молодожёны возьми да и проверь её на радиоактивность. Сам Борис бы не догадался, жена шустрой оказалась. Приборы зашкалили — чистый Чернобыль! У Никиты остановили все мебельные фабрики, вывернули наизнанку бизнес, а Сергованцев, как борец за экологию, стал новым газетным героем и областным депутатом. С Околеловым и женой в помощниках. Ничто никуда не исчезает с грешной земли, приобретает лишь иные формы.

— Справимся сами, — подмигивал Женьке, поначалу с удовольствием помогавшему месить ногами глину.

— Мы — мужики, — подкреплял тот уверенность неоспоримым фактом и прогонял Оксанку, не позволяя ей напрягаться.

— А вместе мы — сила!

Не справились ни вместе, ни поодиночке. Ни даже с Анной, находившей время между девчачьими забавами пошлёпать ладошками по макету. Хотя вроде бы всё делал Егор правильно: и расчёты по весу, размеру, геометрии, частотным характеристикам для всех семи нот произвёл. И карьер за Неруссой с отменной глиной нашёл, устойчивой к температуре и усадке. И лепил затем двадцатью слоями из этой глины вначале болван — остов, на который потом надевается сам колокол. И ставил его на трёхдневный обжиг древесным углём.

— А давай паяльной лампой, — пробовал торопить события Женька.



— Глину открытым огнём трогать нельзя. Она должна закаляться, а не гореть. Иначе начнёт трескаться, — пояснил Егор вычитанное.  
— Вы нам ещё дом сожгите, — мимоходом не забывала припугнуть Вера.  
— Каркает, — со вздохом произносил Женька.  
— Но она права, надо осторожнее, — принимая мужскую игру, в то же время не давал помощнику фамильярничать со старшей сестрой Егор. — Тащи лекало.

Надев на болван железные пластины, жиделью — глиной, разведённой до состояния сметаны, — создавали тонкий фальшколокол. Раствор наносили сначала кисточкой, потом поливали из ковшика. Дав обсохнуть, затирали воском из свечных огарков неровности. Со временем приновился Егор к красному техническому воску — он и подешевле, и удобнее при отливке орнамента, букв и иконок, которые начал постепенно наносить на фальшколокол. После этого уже не чумазая несуразица стояла в сарае на поддоне, а добрый красногрудый молодец, принарядившийся перед выходом на улицу.

Расплавленный металл и принимает потом форму фальшколокола. Год назад он гонялся за фальшивыми долларами...

Людская молва о колокольном офицере привела во двор незнакомого монаха — сухонького старичка без возраста.

— Бог в помощь.

Егор замер застигнутым в чужом огороде татем. Как ни ряди, а колокола — это вроде бы и в самом деле забота церкви, а не каждого встречного-поперечного. Перед первым классом мать соблазнила его городской котлетой, зазывая сходить с ней и приехавшей в гости соседкой в Середину-Буду. Путь в десять километров вроде и не близкий, но ради котлеты с подливкой прошагал бодро. Однако вместо столовой повели сначала в церковь, где поп его, как самого большого, взял за руку и стал водить выстроившуюся процессию с орущими на руках младенцами вокруг чана с водой. Трижды окунув туда голову Егора, повесил на шею крестик.

Мать с крёстной сдержали слово, отвели в столовую, уговаривая нигде и никогда не говорить, где был и что делал. Даже отцу.

Тяготился тайной до тех пор, пока не погнул крестик зубами и не выбросил в малинник. Зато в школе ему первому повесили значок октябрёнка!

— Будь героем и умницей, — погладила его по голове учительница Раиса Ивановна.

— Гы, — подтвердил пожелание Пономарь.

Мать до самой смерти ни словом не обмолвилась о том походе в город, для неё было важно, что сын крещённый. А там хоть пионер, хоть комсомолец, хоть коммунист. Умирая в колумбийской пещере, Егор, может, и перекрестился бы, да правая рука была прикована цепью. Вот и все его отношения с религией и верой. И колокол — это не церковь. Это поклонение истине. Это как возвращение Неруссы в свои берега при большой воде.

Монах, несмотря на преклонные лета, цепко оглядел сначала приготовления, потом самого Егора.

— На своём дворишке лью колоколишки, дивятся людишки, — наконец наградил подворье крестом.

— Пробую, — осторожно возразил и поправил Егор, которому не понравился стишок с уменьшительными суффиксами. Да и с какой стати смущаться самого себя в собственном дворе! Кому что не нравится, делайте сами.

Гость почуял недовольство в голосе, но не посчитал зазорным объясниться:

— Сие произнёс митрополит Иона Сысоевич в семнадцатом веке, когда его, как претендента на патриарший престол, при опале Тихона изгнали из Москвы в Ростов. Слышал о таком?

Егор исхитрился одновременно и пожать плечами, и кивнуть: он же не спрашивает у гостя тактико-технические характеристики боевой машины десанта. Тут кто на что учился...

— А он, подобно тебе, начал отливать у себя во дворе колокола. И сделал всё, чтобы рядом с именем Ростова появилось слово Великий... Сам крещённый? — продолжал мягко допытываться монах.

Паузу прервала влетевшая во двор племянница. Умело сложила перед гостем ладони для благословения — правая сверху. Монах охотно перекрестил девочку, дал поцеловать руку. Вышедшая на крыльцо Вера издала робко кивнула в знак почтения, священнослужитель перекрестил издала и её, и заметно округлившийся живот. Но самого благодатного слушателя определил в Ане.

— Хорошее дело, богоугодное, — сообщил он ей своё отношение к работе. И объявил причину неудач: — А почему не получается — благословения не было.

— Благословите, батюшка, — сложила в мольбе руки Анечка. Хотела зыркнуть на дядю Егорку — попроси тоже, язык не отвалится. Но побоялась оторвать взгляд от креста на груди монаха и обидеть его даже кратким невниманием.

Старец потрогал бородку, повернул голову на хозяина дома: уважишь девочку, сподобишься на просьбу? Егор снова лишь слегка склонил голову, но губ не разомкнул: в моём доме никто никого ни в чём не принуждает и не упрекает. Это вы пришли на моё подворье, а не я к вам в церковь.

Поняв, что большего от собеседника не дожидаться, старик тем не менее не погнушался повторить:

— Благое дело затеял, богоугодное. Помогай тебе Господь, — перекрестил он, наконец, и Егора и в сопровождении маленькой хозяйки пошёл со двора.

— Трудно было рот открыть? — набросилась та на дядю Егорку, когда батюшка исчез на своей машине в конце улицы.

— Нетрудно.

— Так в чём дело? — строгой учительницей потребовала объяснений невыученного урока Аня. — Все уже к Богу пришли, один ты...

Егор отмахнулся: не к Богу, а к моде на него. Туристы в веру пошли, а не паломники. Научиться крестить лоб можно, а что делать с рукой, одновременно и ворующей, и крестящейся? Да и у церковника машина не хуже, чем у Сергованцева. Откуда, когда свободную копейку на воск не всегда находишь. И если уж люди обернулись к вере, то церковь в стократ должна больше повернуться к вере в людей, а не ездить к ним контролёрами.

— Это ты злой потому, что колокол опять не получился, — определила состояние Егора племянница. Села на лавочку, похлопала ладошкой рядом: садись, вразумлю. До плеч не дотянулась, обняла, по-матерински утешая, за пояс. — А мне он шепнул секрет, почему не звенит. Ты неправильно обжигашь глину.

Отстранилась, принялась разглаживать платье на коленях в ожидании просьб. Не дождалась, подвинулась выдержке непутёвого дяди, поведала тайну колоколотейного дела с таким видом, будто занималась им всю свою долгую жизнь:

— Глину надо с навозом смешивать. Но это я Балда Ивановна, что сама не догадалась.

На этот раз дождалась не просто вопросительного удивления, а изумления. Поправила причёску, повела плечиком, вздёрнула облупившийся пять раз за лето носик — секрет должна объявлять королева. Поведала:

— Самое страшное, когда между колоколом и глиной остаются пузырьки воздуха. Короче, это... водородная болезнь... — произнесла тихой скороговоркой, не уверенная в точности названия. — Из-за неё не поёт металл. А когда глина с навозом, а в навозе полно сена, то оно прогорает и через эти капилляры воздух и выходит. Вот.

Анечка задохнулась от собственной значимости, но секрет и без этого кончился, и она посмотрела на соседа сбоку: “Я тебе помогла? Я молодец?”

“Ещё какой”, — прижал к себе королеву Егор. Версия монаха интересная, но уж слишком необычная. Но если уже и новая заливка не понравится, то следующую можно попробовать и с навозом...

Пока обжигал старый, Алалылиха принесла весть от контрабандистов с той стороны украинской границы: лёгкий полк, в котором служил Иван, перегоняют подальше от России. Всё больше и больше табачок врозь с братьями. Хуже нет врага, чем метильный сосед. Но если отливаемый колокол

завучит, то получится в память не только родным, но и некогда единой армии. Однополчанам Ивана.

Успел с отливкой. Накануне с вечера походил босыми ногами по литейной яме с зарытым десятипудовиком — так по весне крестьяне проверяют, достаточно ли прогрелась земля для посева. Здесь же требовалось угадать обратное: остыла ли она до той возможности, когда колоколу безопасно появляться на свет? Не расколется, не треснет ли от быстрого остывания без земельной шубы?

Земля теплилась, но подошв не обжигала, и Егор не стерпел, взялся за лопату на ночь глядя. Очистил края ямы, обложенные железными листами, выбрал первый слой слегка курившейся от тепла и пыли земли. На следующем круге заценил прибыль — прямоугольную горловину, через которую заливался расплавленный металл и откуда потом выходили, выталкивались наружу случайная грязь и газы.

Оставить лопатой зазубрины на нём Егор не боялся: тот затем всё равно отшлифовывается, место шлифуется. К открывшейся шершавой поверхности приложил ладонь. Несмотря на то, что после заливки прошло шесть дней, тепло держалось достаточно — не выдержав, отдернул от металла руку. И оставил работу до утра.

С зарей не к умывальнику поспешил, а к постаревшей за год от непрерывной варки металла, требовавшей ремонта печи. Сложенная на скорую руку, на пробу, она оказалась довольно живучей и охотно переваривала собранный со всего села металлолом. И лишь когда ей становилось нестерпимо жарко, когда само железное вариво в поисках выхода начинало зло пузыриться, хозяин сбивал задвижку и выпускал огниво наружу, избавляя печь от мук.

— Хорошо, хорошо, — не забывал благодарить её Егор, про себя обещая заняться ремонтом в самом ближайшем будущем. Или даже переукладкой.

Прибыль за ночь остыла, отдавала теплом едва-едва, и Егор до завтрака успел снять ещё на два штыка прогорклую, превратившуюся в чёрный пепел землю. Выскоблил металлической щёткой от сажи обнажившиеся уши. У колоколов названия те же, что и у человека, — уши, язык, тулово, юбка. Их в давние времена и наказывали, как людей, в Угличе до сих пор хранят колокол, известный о гибели царевича Димитрия. Поднятый набатным гулом народ учинил самосуд и расправу над убийцами. Не предполагали последствий: царь Борис Годунов наказал не только восставших, но и звонивший по убиенному набатник. Сбросили со звонницы, вырвали язык, отбили ухо, а затем при стечении народа многократно секли плетью. Не оставили в покое и после, отправив вместе с зачинщиками волнений в ссылку в Тобольск.

Так что не столько гармошкой, матрёшками да частушками Русь славила, а больше колокольным звоном, возвещавшим попеременно то радости, то печаль-тревогу. И если поначалу в этом искусстве славяне глядели на Запад и повторяли его очепный стиль с раскачиванием самого колокола, заставляя тулово биться о неподвижный язык, то со временем русичи изобрели дошедший до наших дней “языковый” способ. Он позволил разнообразить звучание, найти новые ритмы, дал возможность располагать колокола на разных уровнях звонницы, создавая ансамбли.

И не стало после этого русским звонарям равных. И уже в девятнадцатом веке Россия стала воистину колокольным государством, превосходящим по количеству, весу и гармонии колокольных подборов как буддийский Восток, так и христианский Запад. Глас Божий — звон колокольный — способствовал тому, чтобы вечно легло к Отечеству определение “Святая Русь”...

— Мужчины, Оксаны с хлебом нет. Будем впусую кушать? — объявилась в окне Вера.

— Иди, я следом, — отправил Женьку Егор, в третий раз примериваясь к колокольной тупке.

Та, смирившись со своей участью, обречённо ждала рокового удара. Может, и вырвалась бы её душа из неудачного тела, да слишком плотными получились доспехи: ни трещинки, ни зазора. Так что выпало ей в кольчужке родиться, в ней и пропадать.

Но прежде третьего, уже подготовленного удара, с неба упал потерявшийся было гром от никуда не исчезающих истребителей. В отличие от первого раза, лётчики уже не отрывались ввысь, а сами гнались за ним с высоты, закручивая прощальную петлю над аэродромом. Боясь пропустить этот миг, Егор торопливо, с нутряным выдохом вбил кувалду в колокол. Не увидел, но почувствовал по провалившемуся вниз обуху, что первый кусок отбит. Всё! Не колокол уже лежит во дворе, а кусок металла, потребного лишь для новой переплавки. Не получилось благовеста для родного полка Ивана и некогда единой армии. Но и фальши не будет. Фальшь осталась в долларах, гуляющих по стране. Но не его вина в том, что не дали завершить задуманное. И кому-то придётся всё начинать сначала...

Зато догнали родной звук “МиГи”, несшиеся к земле. Слились воедино скорость и звук, и настолько мощным получилось это двуединство, что Егор застыл: как вывернется над землей этот шар? Кто сидит в cabinaх? Раньше Иван по номерам на машинах мог это определить, а сейчас в полку и сослуживцы его вряд ли остались. Небось, пацаны вошли в раж, опытные бы поостереглись на таких скоростях носиться ниже облаков.

Пара исчезла за сараем, чтобы через мгновение наподобие качелей вылететь на другой стороне. Только вот сараюшка был столь малого роста, столь глубоко натянул на самые уши шиферную треуголку, что Егор оцепенел: слишком мало места, за которым вздумали спрятаться два реактивных “МиГа”! И когда качели задержались, а потом вынырнули с другого края лишь с одним самолётом, сердце стукнуло в недобром предчувствии.

— Разбился. Самолёт разбился! — завопил Женька с крыши.

Подтверждая страшное, со стороны черныбыльского леса донёсся глухой, разлетевшийся в разные стороны с недоброй вестью взрыв.

— А-а-а! — в страхе позвал Женька, боясь оставаться в одиночку и, возможно, навсегда утрапившись своей мечты, с которой вот так запросто, оказывается, можно разбиться о землю.

— Вера! — кричал Егор жене. — Я в лес.

Отбросив кувалду, рванулся к границе. Понимал, что ничем не поможет лётчику, что и упал “МиГ”, скорее всего, на украинской территории. Но, видать, в крови у русичей бежать на беду, а не от неё. Да и когда загорелся черныбыльский лес, украинцы ведь тоже прибежали тушить общий пожар. А тут тем более — родной полк брата, это мог быть даже его истребитель. А колокол не запел потому, что предчувствовал трагедию? И зря гневался на него Егор?

Он бежал без оглядки и не видел, что за спиной тоже начинал клубиться дым. Отброшенная кувалда, задев угол старенькой печи-домны, выбила нижний кирпич. Из дыры на землю просыпался пепел, угольки задели пучок сена, оставшийся на земле после Женькиного лазания на крышу. Затаились в его травяной паутине. Не услышав окриков и поднабрав силёнок, высунули наружу огненные язычки. Внимание Журиничей оказалось прикованным к взрыву самолёта, и огонёк, пусть и на хиленьких ножках, но сумел добраться до сарая, где можно было пожить ещё большей вкусятиной.

Всё сложилось для огня удачно, одно к одному: и желание Киева перебазировать авиаполк поближе к НАТО, и неумирающая с советских времён традиция лётчиков делать прощальную петлю над родной бетонкой. Легла к месту и мечта Женьки, заставившая его лезть на крышу. И застрявшая в очереди за хлебом Оксана. И даже черныбыльская катастрофа, умертвившая Ивана Буерашина, сгодилась: ради него в том числе торопился Егор дать жизнь колоколу. Как же умело сплетаются меж собой чёрные кружева из человеческих судеб и историй!

И лишь колокол, брошенный посреди занимающегося огнём двора, не прощая хозяину своего увечья, усмехался происходящему шербатым ртом.

Выехавший из Суземки пожарный “ЗиЛ” и рад был бы действовать быстрее, да старость и водяной горб на спине не давали набрать скорость. В Алёшках его обогнала военкомовская “Волга”, и майор вытянул шею, всматриваясь в горизонт.

— Кажется, в Журиничах что-то горит.

— Надеюсь, не у Егора, — пошутил Юрка Черёмухин, сидевший с Олей на заднем сиденье.

Собственно, он и знал в Журиничих только его, шутка привязывалась к имени друга лишь тысячной долей процента юмора, но Оля толкнула: не говори под руку. Да и дым нарастал, тучнее на глазах, как раз в стороне Буерашинных.

Чуда не произошло: горел дом, в котором год назад их принимал Егор. Сам он отбрасывал от горящих стен выброшенные в окно пожитки, их дальше перетаскивали в общую кучу деревенские ребята. Увидев рядом с собой Юрку, не удивился, но заработали в четыре руки быстрее.

Сам дом спасти уже не пытались, люди укрывали от летящих искр мокрыми пононами крыши соседних домов и ломали ограды, по которым огонь пытался прошмыгнуть за оцепление. Вера квочкой укрывала Аню и Женьку, не давая им смотреть на кострище. Ваня Шанечкин, вёзший на своей тележке ведро с плескавшейся по асфальту водой, при звуках пожарной sireны споткнулся, опрокидывая ёмкость. Но привычно отползая на обочину не стал, попытался ладонями наплескать в ведро остатки влаги с асфальта. Поняв бесполезность, поднял взгляд на огонь. Тот заплесал в его тревожных зрачках, Ваня замычал, протянул руки навстречу пламени, в котором при виде лась ему война и горящий собственный дом. А пожарные, сколько ни старались хоть что-то спасти, оказались бессильны против огня...

Вечер подступался к Журиничам исподволь, заходя в село кругами: вначале подул свежестью со стороны леса, потом вспыхнула лампочка на крайнем к райцентру столбе, а заработавший у кого-то на полную громкость телевизор сообщил о начале программы “Время”.

Люди расходились с пожарища тихо, как после похорон. Танька, укрываясь от вернувшегося с заработков мужа, прошептала мысленно Егору в спину: “Держись, милый”, — и впервые посмотрела на окружённую учениками Веру с состраданием. Прикрыла наброшенным на плечи платком грудь — не ты главная при пожарном горе, уймись. Шепотком отмаливали грехи соседей единоличницы, по старости больше гнущиеся к поклонам, чем вознесению глаз к небу. Алалылиха, посомневавшись, развязала узелок на поясе, вытащила оттуда несколько скрученных рублей, сунула Мане: больше не могу, Зойке в техникуме тоже жить на что-то надо.

— Пришли Аньку, излишками яиц поделись.

— Такой дом сгорел, у-у-у, такой дом. Всем колхозом строили, — путался под ногами Пятак. Обувь потерялась в суматохе, и ему теперь приходилось поджимать грязные пальцы, спасая ступни от колючек. Насущное и вспомнилось: — Я ещё галошу тогда в раствор уронил, где-то в фундаменте и осталась. Крепкий дом сделали, да вот... Зато Васька подносил мне здесь рюмочку перед армией.

Он был не прочь вышить и в память о сгоревшем подворье, но хватило совести не лезть к людям с просьбами во время горя.

— Когда приходит помогать?

— Завтра, Витёк. Давай всё с утра, — выпроводил Пятака со смотрин дед Петя.

— Я приду. А так хоть всех людей за один раз увидал, как на концерте, — нашёл выгоду от пожара Пятак.

— Гы, как в Большом театре. Только без коней, — попробовал с неизменной иронией поддержать бывшего ученика Пономарь. Но тут уже Пётр едва ли не впервые после войны так сверкнул в его сторону глазами, что математик от греха подальше попятился в сторону озера, за широкой грудью которого преспокойно жил все годы подальше от народа.

— Один от случившегося плачет, а у других — ни поноса, ни запора, — одобряя мужа, прошептала вслед баба Маня, не забывшая учительского глумления над Егором перед поступлением в суворовское. Поклонилась односельчанам за соучастие первым разом, вторым, третьим — так и благодарят, и просят прощения одновременно. И отпускают с миром крутиться со своими домашними заботами: своя заноза всё равно больнее раны на чужом сердце.

Последней ушла Раиса Ивановна, учительница Егора. Сначала обняла Веру, которой уступила своё место преподавателя и теперь, видя, как ученики льнули к ней, радовалась выбору. Своему бывшему ученику ничего говорить не стала — ни про героя, ни про умницу, лишь молча кивнула ему, погладила голову Ане и живот Вере. Но обернувшись, всё же прошептала:

— Держись, герой.

— Что будем делать, дядя Егорка? — осмелилась тронуть застывшего среди головешек дядю Аня.

Егор прижал племянницу, посмотрел на сбившихся в кучу родственников. Развёл виновато руками: не уберёг. Бежал на чужой пожар, а свой не заметил...

— Нам теперь ходить христарадничать, милостыню просить? — страшилась будущего племянница.

— Это с какой стати? — потербил её за плечи Егор. Потряс головой и сам, смахивая с ресниц слезу. — Ты видела когда-нибудь, чтобы Буерашины побирались?

Тем не менее сам, якобы усмотрев что-то в золе, наклонился. Быстро вытер рукавом то ли глаза, то ли лоб, а заодно очистил от гари попавшуюся пуговицу от пальто. Цыгане несказанно радуются, когда находят подкову: осталось найти ещё три и коня — и вот оно, счастье! А они к этой пуговице тоже сошьют пальто к зиме!

Собравшиеся ждали от него утешений, команд, уверений, и он вместо проблем — во что отныне одеться и что кушать — вдруг сказал о ещё более важном, вынесенном из колумбийских джунглей, балашихинской свалки и бутырских застенков:

— А мы сначала восстановим документы. Да? Потому что у нас есть имена, и мы не собираемся жить безродными на своей земле. Принимается?

— У меня сторели грамоты по спорту, — поторопился внести в список неотложных дел Женька. Отбрыкнулся от Аньки: молчи, нужны кому в этой жизни твои фантики!

— Я готов вручить первые документы, — вдруг произнёс военком.

Цепляя туфлей пепел, прошёл к остову осиротевшей без стен и крыши печи, как в центр сцены хотя и погорелого, но театра. Но на Руси всё пляшется именно от неё!

Вытащил из папки тёмно-бордовую коробочку, выцарапал ногтем из неё удостоверение. При стечении всего народа в клубе мечтал вручить награду, но возникшую паузу посчитал более важной:

— Указом Президента Российской Федерации от 8 июня 1994 года Буерашин Егор Фёдорович награждается орденом “За личное мужество”.

“По малину после лета”, — усмехнулся Егор известию. Сообщил майору об обмане:

— Этот орден отменили.

— Отменили, — не стал спорить тот. — Но по тебе Указ состоялся раньше. И таким образом ты оказался награждённым последней боевой наградой Советского Союза. И остаёшься на веки вечные последним его солдатом.

“Последний... Опять последний”, — покивал головой Егор, так и не найдя в себе сил или причины обрадоваться ордену.

— И по тебе будут судить, какие люди жили в СССР, — завершил торжество майор, поднаторевший в выступлениях на митингах.

Грудь в порванной, перепачканной гарью рубахе Егор всё же подставил военкому. Тот подцепил ярко-красную колодочку, Аня захлопала в ладоши, её поддержали остальные. Женька даже негромко крикнул “Ура”, баба Маня вытерла слезу. Дед Степан почесал козырьком фуражки лоб, соображая, насколько сильно можно радоваться за соседа. С Федькой, конечно, цапались, но Егорка неплохим пацаном рос, а поскольку рано из дома звезданул в Москву, то и личной вредности наделать не успел.

“Служу Советскому Союзу”, — следовало ответить по Уставу за награждение, но Советского Союза, несмотря на орден, уже не было, к близкому

“Служу Отечеству” он не привыкал. Просто кивнул по-граждански — “спасибо”.

Понимая, что нужно время отмываться от сажи и обустроиваться на ночь, Егор прощально окинул взглядом выгоревшее подворье. Прошёл к щербатому, закопчённому, словно картошка-нелупёшка на костре, колоколу. Похлопал по тулову:

— Ну что, брат, наделали мы с тобой делов? Будем прекращать это гиблое дело или не сдадимся?

Металл слабо, едва чувствительно, но отозвался.

А день продолжал клониться к закату. Идущие с выпаса коровы косили глаза на пожарище, тревожно трогали влажными ноздрями запахи гари. Играла барабанными палочками баба Дуся, продолжали жизнь озера лягушки. Между украинской Середино-Будой и Суземкой вдруг сверкнула молния, и пока дошли до родового дома, пошёл густой дождь. Забежали на крыльцо, как цыплят, загоняя перед собой ребят. Женщины скрылись на кухне обследовать припасы и колдовать с ужином, мужчины перебрались в летнюю пристройку.

Через несколько минут гром уже пытался раскатать дом по брёвнышку, молниями разрывая окна. Не в силах совладать со стихией, лампочка беспомощно поморгала и на всякий случай погасла, оставив женщин без работы. С помощью отцовского фонарика-“жучка” Егор отыскал на загнетке несколько свечей, хранимых как раз для непогоды. Скрутил их жгутом, чтобы поставить в стакан и запалить для яркости все фитили. Но сколько гроза продлится? На войне лучший солдат тот, кому доверяется нести последний глоток воды во фляге. Остановился, зажёл одну свечу, чтобы свет лишь теплится. Оля, впервые переживая грозу в деревенской избе, жалась к Юрке.

Вера вышла за чем-то в сени, и Егор с фонариком вышел следом. Но свет зажигать не стал, обнял Веру в темноте. Бережно прижал к себе. Опустился на колени, поцеловал живот, приложился к нему щекой. Подобное он делал лишь однажды — с Ирой в поезде. Но сейчас это родное, своё. А значит, на веки вечные.

Жена слегка прижала его голову к себе, погладила по жёстким подпалённым волосам.

— Я вас люблю, — прошептал среди грома и молний.

— Мы тебя тоже любим. И нам спокойно с тобой, что бы ни случилось, — прошептала счастливо, хотя ненастье обложило всё небо и казалось, что именно Журинич и их дом оказались в его эпицентре.

Дню уходящему словно мало было разбившегося самолёта, пожара, отмены последнего советского ордена с таким красивым и гордым названием — “За личное мужество”. Для некогда великого СССР оставалась только присказка:

*Ельцин небо матом кроет,  
Черномырдиным крутя.  
То Кравчук, как зверь, завоет,  
То Шушкевич — как дитя.*

Как плакать-рыдать украинцам и белорусам — это уходило на второй и даже третий план, в России хватало своих правителей, вздёргивающих её на дыбу.

От грозы имелась одна отрада: дождь омоет пепелище, и легче будет очищать место под новый фундамент. Главное — не падать раньше выстрела.

Хотя и тяжело. Ох, тяжело...

— Как же мне легко с тобой, родной. И даже если ты меня разлюбишь, я изменюсь и стану такой, в которую ты влюбишься вновь. — Вера оглянулась на дверь, за которой находилась Оля.

— Если у счастья есть запах, то он пахнет тобой, — успокоил Егор. — А пацана назовём Фёдором. Будет партизанским внуком. Угу?

— Угу. Но как же долго идёт дождь.

— А он любит по ночам шляться, у природы он хозяин. Утром всё станет на свои места.

## Глава 4

Солнце никуда не спешило. Журиничи, оставленные ему на просушку после грозы, расластались по взгорку между кладбищем и церковью: люди испокон веков обустроиваются между этими незримыми хозяевами жизни.

Само село — на краю Брянского леса. Лес — зелёное пятно на Среднерусской возвышенности. Соловью-Разбойнику, некогда сторожившему здесь дорогу на Киев в ожидании беспечных путников, укромнее местечка не сыскать, да только партизаны в войну всю нечисть вымели даже из “суземья” — непроходимых болотистых мест. Одним мухоморам да волчьей ягоде раздолье, эту погань топчи-выкорчёвывай, а прорастёт снова.

И времени у солнца — стаду журинических коров несколько раз нажеваться травы на выпасе, дважды подремать вместе с пастухом и получить по куску хлеба от хозяек, приезжающих на пастбище выдоить обеденное молоко. И потом ещё останется половина дня, чтобы, отмахиваясь от слепней хвостами, косить лиловым глазом в сторону родных хлевов для прохладной ночёвки.

Первые минуты появления в Журиничах солнце ещё настороженно пряталось за деревья, выглядывало из-за углов: ничего от ночи не помню, никакой грозы не знаю, у нас с ней песни разные. Но люди претензий не предъявляли, и светило осмелело, приподнялось на цыпочки, охватывая разом всё село. Вон две девочки, шушукаясь, прошмыгали во взрослых сапогах на огородные грядки собирать в таз упавшие от ненастья помидоры. Развешивавшая на верёвке выстиранное бельё женщина напомнила:

— Анечка, к салату укропа и петрушки тоже сорвите.

— Вера Сергеевна, у меня царь в голове живёт, мы с ним всё помним.

Пересела к учительнице спиной, продолжила что-то шептать на ухо напарнице. Солнцу пришлось едва не наклониться до земли, чтобы разобрать девичий секрет:

— Раньше как ещё гадали? Обхватишь штакетины в заборе, посчитаешь их по буквам — на ту и жених.

— Не-е, твой дедушка тогда никогда бы не женился со своим именем. А возьми какого-нибудь Яшку...

— После войны эта гадалка не считается, — нашла Аня. — После войны можно было перебирать имена через штакетину, поубивало всех женихов. Дотянись вон до той пузатой помидорины. Ишь, в малинник закатилась. Чисто баба — знает, где сладко!

— А у Веры мальчик будет, — скосив глаза на сестру, сообщила последнюю новость подруга. Вера, бережно разгладив бельё на верёвке, сделала то же самое с халатом на животе. — Так что породнимся навек, и род продолжится.

— Если окажется таким же бедовым, как дядя Егорка, то хоть кричи в небо молитву, а и в будущем женская доля слаще не станет. Но всё равно рада-перерада! Пошли, а то люди скажут, что умираем по лёгкой жизни. А надо делать завтрак и идти на сгоревший дом.

Возвращаться с девочками в дом солнце поостереглось — прищемят скрипучей дверью, как хвост кошке! Заглянуло через ветки черёмухи в окошко, пробежалось по столу с расставленными перед завтраком пока ещё пустыми тарелками, обожгло на плите паром от кипящей картошки. Обогнуло липучку с пойманными мухами, скорее всего, висевшую со времён СССР. Сколько ещё гадости она из последних сил поймает в новом времени? Дотянулось до телевизора и печатной машинки, стоявших рядом на столе с выдернутыми из розеток шнурами. Телевизором командовали все, кому не лень, “Оптиму” облюбовала Аня, которая живёт с царём в голове. Последний раз сочиняла что-то про крылатых ангелов, из которых Бог выбрал самых смелых и отправил охранять Землю, превратив им крылья в погоны.

— Сама сочинила? — удивилась и счастливо заулыбалась Вера, которой было позволено прочесть рассказ “Мой дядя — ангел”.

— Ой, Вера Сергеевна, уже даже не знаю, где своё, а где на волю свои



мысли выпустила и как будто не мои стали. А можно посекретничать? Я тоже хочу такую же красивую грудь, как у вас. Дяде Егорке повезло...

— Ага, грудь носить мне, а везёт дяде Егорке. Не забывай себе голову ерундой. А рассказ хороший. Пиши ещё. Глядишь, и писателем станешь.

Написанное и лежит под редакторским присмотром огромной куклы жиденькой стопкой на столике — где два слова, где кусочек, где всё отпечатанное перечёркнуто...

Пока вспоминалось прошедшее, время позволило солнцу подняться повыше и между теней от веток исследовать стену. Задержалось на новой рамке для фотографий, вместо которых под стеклом, как в музее, теснились ордена и медали. А ведь помнились времена, когда такие у каждого пятого в Журиничках висели на груди, сейчас же днём с огнём даже в праздники не найдёшь самих хозяев. По их отсутствию и можно понять, как далеко по времени ушла война.

Потому по памяти, на ощупь солнце исследовало первый ряд наград — два ордена Отечественной войны и Красная звезда. Рядом с ними новенькая, словно недавно приобретённая, а значит, без номера медаль “За отвагу”. Несмотря на разницу в возрасте с другими наградами, смотрелась органично, достойно в общем ряду. Тем более последовало от партизанской к трудовым и юбилейным, — у каждого начищенного кругляша имелись новые, недавней перетяжки ленточки на колодочках.

В рамке не осталось места для любого нового, даже самого малого значка, её подпираемые границы словно говорили, что хватит подвигов, что уже имеющегося достаточно на много детей вперёд. Да только далеко-далеко отсюда, на огромном востоке, где всходит огромное солнце, за огромной рукотворной стеной мудрые люди с узкими глазами любят повторять: “Последней войны не бывает”. И будто бы в подтверждение этого лежала на божничке коробочка с новой наградой, только вчера солнцем увиденной, а утром тайно примеренной парнем к своей рубашке.

Самого парня в чуть великоватой, наверняка с чужого плеча морской тельняшке, оно нашло подтягивающимся на турнике. Пощекотало ему оголившееся пузо и выплыло на улицу. Не привыкшее к одиночеству, пристроилось к идущей за водой женщине. Соскользнуло в оцинкованное ведро, свернулось клубочком на его дне — поди плохо, когда тебя задарма носят. Убаюканное, словно дитя, в корытце, едва не получило за беспечность по затылку холодной струёй из водопроводной колонки.

— Лидочка, картошку начнёшь копать, зови, — попросил водоношу мужик в сандалиях, торопящийся на окраину села.

— Чтобы после тебя опять перекапывать?

— И-и, прошлый год не считается. Привет, Летун, — поприветствовал высунувшегося из кабины автобуса водителя. — Живой? А у меня весь ливер болит, — похлопал по животу. — Надо подлечиться.

— Сопьёшься, дядь Вить.

— Что я, сам себе враг? Лучше Алалылиху пожалеть: это сколько нервов иметь надо, чтобы гнать самогон и самой не пить?

Пока Летун объезжал нападавшие за ночь ветки, солнце влилось в автобусное зеркало, зайчиком подмигнуло оттуда водителю. Тот уклонился от заигрывания за болтающийся доллар с американским президентом — дай довести людей, а то возьму за полный проезд как из Суземки, да без пенсионной скидки. Первым сбежишь.

“Прямо-таки разбежалось”, — усмехнулось солнце, но от греха подальше стряхнулось с зеркала на очередной выбоине сначала в придорожную лужу, а уже оттуда, пропустив превратившийся для села в своеобразные жёлтые часы-ходики автобус, перебралось к чумазой троице на пенелище. Легко вместились на осколочке омытого дождём зеркальца, валявшегося около выгоревших рам, огляделось. И тут же, памятуя о страшной грозе, спряталось от молнии, чиркнувшей над улицей. Пусть и на дверце машины.

Из неё выпорхнула вначале длинноногая девица с фотоаппаратом, затем начинающий грузнеть парень с депутатским значком на пиджаке. Под прицелом камеры осмотрел место трагедии, подошёл к погорельцу.

— Мои соболезнования. Чем может помочь депутатский корпус в строительстве нового дома?

Протянул руку, но Егор не заметил её. И не только потому, что собственная была по локоть в саже. Просто дом надо строить чистыми руками, он же пока просто убирает грязь от пожара.

— Спасибо, справимся. Не один. Друзья помогут.

— А я неделю назад отца похоронил. Он же вместе с твоим партизанил.

— Вместе.

— Вот же поколение было, — обернулся на жену, убеждаясь, включила ли она диктофон. Достал малахитовый мундштук, закурил, выпустил идеально ровные колечки дыма. — Нам бы унаследовать их великие дела. Но, если что, я, как депутат...

— Спасибо. Юр, помоги, — Егор показал другу на головешку от матицы, — давай сбросим с цветочной клумбы, наверняка луковицы от нарциссов и тюльпанов остались целы и зацветут по весне.

— Привет от Олича, — наклонившись, прошептал Черемухин главную новость, с которой ехал, но которая не должна была касаться чужих ушей.

— Где? — замер Егор.

— “Северный путь”.

Норвегия? Если он ещё не забыл — ведь от этого названия происходит обозначение королевства? Но ведь и Ира там... Случайность? Или настолько глубоко залегание?

Юрка стоял с поднятым краем обгоревшего бревна в ожидании, пока ошарашенный Егор поднимет свою сторону. Авось не всё удалось порушить новым правителям! А он, дурак, оставил целую коллекцию точилок дежурной в общежитии, хотя знал, что друзьям надо верить до конца! Разведзвери не потеряются в этой жизни. А вот страна потеряет без них многое...

Депутат под камеру тоже перебрал несколько головешек, вытер руки и, особо не попрощавшись, скрылся за тонированными стёклами. Молния исчезла, как и появилась, и солнце уже спокойно велед за людьми подняло голову в небо, где вдруг послышалось:

— Чи-ли, чи-ли.

— Егор, а это кто? — спросила девушка, оглядывая птичий клин.

Солнце выставило ухо в ожидании ответа. Сколько себя помнило, столько лет знало этих величавых, осторожно-пугливых птиц, живущих в недоступных болотистых местах, а в конце августа вылетающих не просто в Африку, а на самый её юг переждать морозы. Далеко Африка, лететь и лететь безостановочно больше месяца — птицы даже спят в полёте, занимая места внутри клина и не выходя из него благодаря звуку от шелеста крыльев. Паратройка недель им курортного отдыха — и сборы в обратный путь, в родное безопасное суземье. У природы всё разложено по полочкам, но знает ли об этом Егор? Сам ещё вчера был перекасти-поле...

— Чёрные аисты, Оленька. Редчайшая птица. Символ Брянского леса. В марте вернутся.

— Чи-ли, чи-ли, чи-ли, — и соглашались с услышанным, и прощались с родной землёй птицы.

— Хорошо, что человеку Бог не дал крылья, — вдруг отметил Егор. — Иначе при первой трудности все бросили бы родные места и полетели искать кисельные берега.

Солнце согласилось с ним, заглянуло через осколок зеркала в глаза. Погорелец поднял его, положил на один из выступов сиротливо стоявшей печи, на которой уже лежали найденные фарфоровая игрушка с качелями и дамские часики — всё, что нашлось под ногами. Значит, не всё сгорело, не всё превратилось в пепелище. И качели взлетят у детей, и часики, когда починятся и заведутся, снова пойдут отсчитывать время. Утверждая это, хлопнул по закопчённому боку печи, как давеча по колоколу: ну что, остаёмся и начинаем всё сначала?